

Соловьев Сергей Михайлович

**Об отношениях Новгорода к
великим князьям**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Михайлович С.**
Об отношениях Новгорода к великим князьям / Соловьев Сергей Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 164 с.

ISBN 978-5-519-74800-1

ISBN 978-5-519-74800-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

наго народнаго собранія. Прежде всего наше вниманіе останавливается на правѣ вѣча смѣнять Князя; но для объясненія этого права, для показанія его происхожденія, необходимо уяснить значеніе Князя въ Новгородѣ, границы его власти, и потому начнемъ съ изслѣдованія значенія Князя какъ судьи, отношенія суда княжескаго къ суду вѣчскому. Нѣкоторые изслѣдователи отрицаютъ у Князя право суда, уступая ему только власть военную и полицейскую⁹; но всѣ источники единогласно и положительно свидѣтельствуютъ о противномъ; приведемъ нѣсколько изъ ихъ свидѣтельствъ: Въ лѣтописи, подъ годомъ 1360, сказано: „Тогожъ лѣта присла Князь Великій Дмитрій послове свои, на мѣстники; и посадиша Новгородци Намѣстники княжи у себе, и судъ даша¹⁰.“ Въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ читаемъ: А бесъ посадника ти, княже, суда не судити¹¹. Тамъ же: „А что, княже, тебѣ было гнѣва на Посадника и на весь Новгородъ, то ти, княже, все целюбье отложити, и отъ мала и отъ велика не мщати ти ни судомъ ни чимъ же.“ — „А старость ни холопа ни рабы, безъ господаря, твоимъ судіямъ не судити.“, А Бориса Константиновича кѣрмилъ Новгородъ Корѣлоу, и онъ Корѣлу всю истерялъ, и за Нѣмцъ загонилъ; надъ тѣмъ рубежъ учинилъ на Новѣгородъ; чего не пошло про рубежъ, Господине. Како будешь въ Новѣгородъ у отца своего у Владыцѣ, и у своихъ мужъ, намъ съ нимъ судъ предъ тобою, Господине.“ — Въ позднѣйшихъ договорахъ Новгородцы обязываются: „А суда намъ у Великихъ Князей намѣстниковъ не отымати¹².“ Или: „А безъ намѣстниковъ Великаго Князя посаднику суда не кончати¹³.“ Этихъ свидѣтельствъ достаточно для устраненія всякаго сомнѣнія на счетъ судной власти Князя въ Новгородѣ. Какія же были границы судной власти Князя, какія лица и какія дѣла подлежали его суду? Всѣ граждане безъ исключенія подлежали суду княжескому: „А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычнн дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина, такъ и жигъ-его такъ и молодшего такъ и селянина; а судити ему¹⁴ въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно“. — „И отъ мала и отъ велика не мщати ти ни судомъ ни чимъ же¹⁵.“ Не было ли исключенія для лицъ правительственныхъ, для чиновниковъ, народомъ избираемыхъ? Есть свидѣтельства, что не было: Князь могъ судить и лишать должностей всѣхъ чиновниковъ: „А безъ вины мужа волости не лишити¹⁶.“ Не было ли по крайней мѣрѣ, исключенія для посадника, этого товарища князева въ судѣ?

Не было и для него: въ 1171 году Князь Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города ¹⁷; въ 1218 году Князь, Святославъ Мстиславичъ послалъ сказать на вѣче, что отнимаетъ посадничество у Твердислава; народъ спросилъ: „Какая же его вина?“ и на отвѣтъ Князя: „безъ вины,“ сослался на слова договора: „безъ вины мужа не лишити,“ и воспротивился смѣнѣ посадника. Здѣсь народъ не отрицалъ право Князя судить и смѣнить посадника; но только право смѣнять безъ вины и суда, отвергнутое въ договорѣ ¹⁸. Наконецъ въ 1476 года Іоаннъ III, еще не прикасаясь ни къ одному изъ правъ Новгородскихъ, еще показывая себя вѣрнымъ хранителемъ старины, принялъ жалобу на посадника, судилъ и наказалъ его ¹⁹. Но какъ могъ судить Князь сановника, безъ котораго онъ не могъ судить никого? Форма упомянутаго суда Іоаннова надъ посадникомъ Васильемъ Ананьинимъ служить намъ отвѣтомъ: В. Князь держалъ судъ въ присутствіи Архіепископа и всѣхъ старыхъ посадниковъ ²⁰. Теперь намъ остается рѣшить послѣдній вопросъ: былъ ли судъ Князя подчиненъ суду вѣчевому, судъ Князя былъ ли окончательный, могло ли дѣло, рѣшенное Княземъ, перерѣшаться на судъ вѣчевомъ? Обратимся къ послѣднему случаю, къ суду Іоанна III надъ посадникомъ и его товарищами въ преступленіи. В. Князь судилъ его въ присутствіи Архіепископа и старыхъ посадниковъ, нашелъ виновнымъ, произнесъ приговоръ: отослать въ оковахъ въ Москву на заточеніе; что подобный поступокъ не былъ нарушеніемъ старины, доказательствомъ служить поступокъ Святослава Ольговича, который въ 1140 году заточилъ въ Кіевъ семерыхъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ ²¹. Не смотря на то, Новгородцы не были довольны судомъ Іоанна: Архіепископъ и посадники молили его освободить виновныхъ. Іоаннъ отвѣчалъ: „вы сами мнѣ жаловаловались на разбой посадника и его друзей, я принялъ жалобу и судилъ по вашему обычаю, а именно: слѣдовалъ дѣло не я одинъ, по ты самъ, Владыка, и вы, посадники, и весь Новгородъ, нашли, что обвиненные причинили много зла городу; я ихъ наказалъ, какъ слѣдуетъ: чего же вы теперь отъ меня хотите?“ ²² Если бы судъ князя не былъ окончательнымъ, если бы дѣло отъ него можно было переносить къ суду высшему, вѣчевому, то Владыка и посадники могли бы возразить: „Нѣтъ, Князь, ты не соблюлъ всей старины; осудивъ, ты уже и наказалъ, тогда какъ надъ тобою есть еще судъ высшій, приговора котораго ты долженъ дожидаться.“ Ничего подобнаго: имъ оставалось толь-

ко просить верховнаго судію о помилованіи. Изъ этихъ примѣровъ видно, какова была судная власть В. Князя въ Новгородѣ: В. Князь былъ здѣсь судіею верховнымъ, его суду подчинены были всѣ лица безъ исключенія и всѣ важнѣйшія дѣла безъ всякаго переноса къ суду высшему. Теперь мы должны рѣшить вопросъ объ исполнительнѣйшей власти Князя: мы видѣли, что Святославъ Ольговичъ заточилъ семерыхъ вельможъ, Рюрикъ Ростиславичъ выгналъ посадника; въ 1209 году Новгородцы отдали дѣтей посадника Дмитрія вмѣстѣ съ четырьмя другими боярами Князю Святославу, который заточилъ ихъ въ Суздальскую область²³; въ 1218 году посадникъ отдалъ преступника Князю для наказанія²⁴, наконецъ Іоаннъ III послѣ суда тотчасъ приводитъ въ исполненіе свой приговоръ, велитъ заточить виновныхъ въ Москву; изъ этихъ примѣровъ ясно видно, что исполнительная власть также принадлежала Князю; въ одномъ только случаѣ вѣче выговаривало себѣ власть исполнительную, а именно, когда кто нибудь возметъ судную грамоту по напросу: „А кто на кого возметъ грамоту судную, а будетъ ему дѣло до судьи или до истца, ино ему переговариваться съ ними мѣсяць; а не почнетъ переговариваться въ тотъ мѣсяць, ино взять на него приставы съ вѣча да имать его въ городъ и въ селѣ съ тѣми приставы; а почнетъ хорониться отъ приставовъ, ино его казнить всимъ Великимъ Новымъ городомъ“²⁵. „И такъ изъ всѣхъ вышеприведенныхъ случаевъ открывается, что судная власть князя исключала судную власть вѣча, что послѣднему было не надъ кѣмъ и не надъ чѣмъ произносить свой судъ, а между тѣмъ есть свидѣтельства, которыя показываютъ совершенно противное. Въ 1218 году, гражданинъ, совершивъ преступленіе, бѣжалъ, преступника схватили на дорогѣ, и посадникъ отдалъ его Князю; вдругъ пронеслась вѣсть, что посадникъ поступилъ въ этомъ случаѣ несправедливо; такъ какъ судъ надъ посадникомъ принадлежалъ Князю, то послѣдній долженствовалъ, по жалобѣ гражданъ, разсмотрѣть справедливость обвиненія, и потомъ уже, если вина была доказана, свергнуть посадника и созвать вѣче для избранія новаго. Ничего подобнаго не случилось: два конца встали на посадника, два вступились за него, жители пятого смотрѣли равнодушно на борьбу, кончившуюся кровопролитіемъ; испуганный Князь выпустилъ преступника; вѣче продолжалось цѣлую недѣлю“²⁶. Въ 1228 году обвиненъ былъ Тысячій: народъ прямо съ вѣча пошелъ грабить домъ его²⁷. Въ 1230 году поссорились двое знаменитыхъ гражданъ, изъ которыхъ одинъ

былъ посадникъ, — слуги послѣдняго прибили противника. Оскорбленный гражданинъ созвалъ вѣче на дворъ Ярослава, которое разграбило дворъ посадника; этотъ, въ свою очередь, собралъ другое вѣче: убійство и сожженіе домовъ были слѣдствіемъ ²⁸. Противъ приведенныхъ двухъ случаевъ могутъ возразить: въ 1228 году городъ былъ въ ссорѣ съ Княземъ, а въ 1230 году Князь, Михаилъ Черниговскій былъ въ отсутствіи. Но въ 1287 году, когда Новгородъ спокойно повиновался Дмитрію Александровичу, возникли жалобы на одного изъ старыхъ посадниковъ: весь Новгородъ всталъ на него безъ *исправы*, говоритъ лѣтописецъ, домъ его былъ разграбленъ, его самого едва уберегъ Архіепископъ ²⁹; въ 1290 году, при томъ же Князѣ, жители Прусской улицы убили одного гражданина: вѣче сожгло всю улицу вмѣстѣ съ церквами ³⁰; въ слѣдующемъ году произошелъ грабегъ на торгу: вѣче свергнуло съ мосту двоихъ грабителей. Подъ 1332 годомъ читаемъ: встали крамольники, смѣнили посадника, поставили другаго, пограбили дома и села гражданъ: ³¹ это было при Іоаннѣ Калитѣ, когда онъ еще не думалъ ссориться съ Новгородомъ и держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Въ 1342 году, при Симеонѣ Гордомъ, одинъ гражданинъ, мимо суда княжескаго, жаловался вѣчу на убійство своего отца: явилось два враждебныхъ вѣча, едва Владыка успѣлъ положить конецъ насилиямъ ³². Этихъ примѣровъ довольно для показанія, что вѣче, наравнѣ съ княземъ, имѣло власть судить и наказывать всѣхъ гражданъ безъ исключенія, отъ посадника до простаго грабителя. Скажутъ: такого рода вѣча не были законными; это были мятежи крамольковъ, какъ ихъ и называетъ лѣтописецъ, и были терпимы только по причинѣ слабости Князя, не могшаго заставить уважать права свои. Но во первыхъ, между этими вѣчами и законными нѣтъ никакого различія; лѣтописецъ всѣ одиноково называетъ вѣчами: результаты тѣхъ и другихъ также одинакіе, крамольники избираютъ посадника и онъ остается законнымъ; обиженный жалуется вѣчу: никто не называетъ эту жалобу незаконною, никто не напоминаетъ о судѣ княжескомъ, лѣтописецъ говоритъ объ этомъ, какъ объ дѣлѣ обыкновенномъ; во вторыхъ, мы имѣемъ свидѣтельство, что вѣче судъ и расправу независимо отъ суда княжескаго, считало правомъ своимъ: въ 1209 году Всеволодъ III, на время отсутствія сына своего, бывшаго намѣстникомъ его въ Новгородѣ, далъ гражданамъ позволеніе управиться съ чиновниками, заслужившими ихъ негодованіе: лѣтописецъ говоритъ, что

В. Князь возвратилъ Новгородцамъ ихъ прежнюю волю „любить добрыхъ и казнить злыхъ“³³.“ И такъ мы видимъ, что подлѣ власти князя стояла власть вѣча съ одинаковыми правами, и опредѣлять отношенія между обѣими властями нѣтъ никакой возможности для изслѣдователя: ему остается одно средство: объяснить исторически это странное двоевластіе, показать, какъ произошло первое столкновеніе обѣихъ властей и обстоятельства, содѣлавшія возможнымъ ихъ долгое пребываніе другъ подлѣ друга въ показанныхъ отношеніяхъ. Для этого мы должны обратиться къ первому появленію Княжеской власти въ Новгородѣ.

Писатели, какъ иностранные, такъ и свои, не оставили намъ особенныхъ извѣстій о городскомъ быту у Славянъ, и потому мы должны заключать объ немъ изъ краткихъ свидѣтельствъ, оставленныхъ ими вообще о бытѣ племенъ Славянскихъ. Лѣтописецъ отечественный говоритъ, что Славяне вели жизнь патріархальную: каждый жилъ особенно съ родомъ своимъ, на своемъ мѣстѣ, и владѣлъ своимъ родомъ³⁴. Писатели иностранные указываютъ также на этихъ родоначальниковъ, старшинъ народныхъ³⁵, свидѣтельствуя однако, что при своемъ соединеніи въ большія массы, Славяне не знаютъ единой державы, но обо всѣхъ дѣлахъ разсуждаютъ сообща въ народныхъ собраніяхъ³⁶. Изъ этого мы имѣемъ право заключить, что и городъ у Славянъ первоначально былъ не иное что, какъ соединеніе многихъ родовъ въ одномъ мѣстѣ, привлеченныхъ выгодною его положеніемъ. Первоначально, каждый родъ управляется своимъ патріархомъ, съ кончины послѣдняго наступаетъ нужда въ избраніи старшины: „когда умретъ глава племени, говоритъ одна старинная пѣсня Славянъ, то всѣ дѣти вмѣстѣ пользуются имуществомъ, выбравши себѣ изъ рода своего владыку“³⁷.“ Мы знаемъ, какой законъ господствовалъ при этомъ избраніи: владычество принадлежало всегда старшему въ родѣ; но мы знаемъ также, какія были послѣдствія этого закона, когда родъ дробился болѣе и болѣе, линіи расходились и родственная связь ослабѣвала: столкновеніе правъ различныхъ линій было необходимо, ибо часто нужда заставляла нарушать законъ старшинства, когда личному достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго; линія, оскорбленная въ особѣ своего старшины, начинаетъ питать непримиримую вражду къ линіи, похитившей право, и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ для возбужденія недо-

вольствія въ членахъ рода противъ соперника: отсюда внутренніе раздоры и усобицы необходимы. Право, разъ нарушенное, ведетъ къ дальнѣйшимъ нарушеніямъ: спорность правъ увеличивается, вмѣстѣ съ нею увеличиваются волненія и безпорядки. Эти безпорядки еще болѣе усиливаются близкимъ сосѣдствомъ другихъ родовъ, въ одномъ городѣ обитающихъ; они принимаютъ участіе въ распряхъ и питаютъ междоусобія. Если столкновенія между линіями одного и того же рода могли вести ко внутреннему нестроенію, то послѣднее было необходимо при безпрестанномъ столкновеніи многихъ родовъ чуждыхъ. Очевидно, что старшины отдѣльныхъ родовъ, въ общемъ совѣтѣ соединенные, должны были составить правительство города; но заключало ли это правительство въ самомъ себѣ условія силы и единства? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода, блюстителемъ его выгодъ; если произойдетъ между членами разныхъ родовъ враждебное столкновение и дѣло будетъ отдано на рѣшеніе старшинъ, то спрашивается, можно ли ожидать совершеннаго безпристрастія въ ихъ рѣшеніи? Каждый старшина *обязанъ* не выдавать своего родича, въ противномъ случаѣ навлечетъ на себя негодованіе цѣлаго рода, какъ слабый, недостойный блюститель его выгодъ. Кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Ясно, что она должна вызвать участіе цѣлаго народонаселенія: является общенародное *въче*. Здѣсь соберутся члены всѣхъ родовъ; распря, начавшаяся въ совѣтѣ старшинъ, должна повториться на *въчѣ* общенародномъ; каждый родъ заступится за своего члена, *родъ встанетъ на родъ*, и междоусобіе необходимо. Исторія Новгорода представляетъ самое лучшее доказательство вышесказаннаго. Съ теченіемъ времени родовыя отношенія здѣсь исчезли; но *пять концовъ* съ своими старостами *напоминали о пяти родахъ*, изъ которыхъ составилось первоначальное народонаселеніе, и вражда между концами заступила мѣсто родовой вражды; какъ прежде возставалъ родъ на родъ, такъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остальные брали сторону того или другаго, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Общество не долго могло существовать въ подобномъ положеніи; оно должно было искать силы, которая бы внесла миръ, нарядъ въ его среду, правительство, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго. Но къ отсутствію мира внутренняго присоединялось еще отсутствіе средствъ ко внѣшней безопасности. Разрозненный бытъ Славян-

скихъ племень былъ причиною ихъ всегдашней слабости, постоянно подвергалъ ихъ насилію воинственныхъ полчищъ, стремившихся чрезъ ихъ страны во всѣхъ направленіяхъ. Нѣсколько родовъ соединялись въ одномъ мѣстѣ, но приносили съ собою презжнюю разрозненность; выгодное положеніе города и случайное единеніе силъ, возбужденное общемою опасностію, могло дать средства къ войнѣ оборонительной; но общество, ограничивающееся постоянно только одною оборонительною войною, тѣмъ самымъ ставитъ себя цѣлію безпрестанныхъ нападеній со стороны хищныхъ сосѣдей, а избраніе единого общаго вождя для войны наступательной; для битвы въ чистомъ полѣ, сопряжено было съ величайшею трудностію среди вѣчныхъ родовыхъ распрей. Такимъ образомъ новое правительство, къ установленію котораго стремилось общество, должно было удовлетворять двумъ потребностямъ; во первыхъ, дать миръ внутренній, прекратить всѣ споры и междоусобія судомъ безпристрастнымъ, дать *нарядъ* городу, по старинному выраженію, а во вторыхъ, дать безопасность вѣншнюю, однимъ словомъ потребенъ былъ *судья и полководецъ*: слѣд. Князь въ Новгородѣ долженъ былъ необходимо удовлетво-
рять этимъ двумъ условіямъ: должность вождя не была его должностію исключительною; онъ былъ столько же необходимъ какъ судья, какъ блюститель внутренняго наряда, верховный посредникъ въ безконечныхъ спорахъ родовъ. Лѣтописецъ говоритъ, что князья были *призваны* для возстановленія *наряда*, нарушеннаго усобицами *родовъ*, не говоря ни слова о необходимости вѣншной защиты. Исслѣдователи изумляются такому необыкновенному явленію; другіе, при его объясненіи, преимущественно останавливаются на завоеваніи или, по крайней мѣрѣ, на необходимости вѣншной защиты для племени, привыкшаго къ мирнымъ занятіямъ: но развѣ послѣдующая исторія Новгорода не представляетъ намъ множество примѣровъ подобнаго рода, развѣ это призваніе князя не повторяется безпрестанно? Если Рюрикъ съ братьями завоевалъ Новгородъ, то не уже ли во всѣхъ послѣдующихъ призваніяхъ имѣло мѣсто завоеваніе? Лѣтописецъ начальный говоритъ, что Варяги были изгнаны, и потомъ снова призваны; другіе лѣтописцы послѣдующіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ, или добровольно оставлялъ Новгородъ, то граждане немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли сидѣть безъ князя, говоритъ лѣтописецъ; ³⁸ есть извѣстіе, что одинъ изъ В. Князей хотѣлъ наказати Новгородцевъ тѣмъ, что

долго не посылалъ къ нимъ князя ³⁹. Рюрикъ завоевалъ Новгородъ: но у внука Рюрикова Новгородцы просятъ князя и въ случаѣ отказа грозятся найти другаго. Имъ нуженъ былъ князь только для защиты отъ враговъ внѣшнихъ: но послушаемъ, что говорятъ они сыну Ростиславову: „не хотимъ тебя; мы призвали твоего отца для установленія *наряда*, а онъ вмѣсто того усилилъ безпокойство ⁴⁰“. Сравнимъ теперь это свидѣтельство со свидѣтельствомъ о призваніи Рюрика, и увидимъ, что цѣль призванія одна и таже въ обоихъ случаяхъ. Князь призывается для установленія *наряда внутренняго*, какъ судья, миротворецъ. Но если князь былъ необходимъ въ Новгородѣ болѣе въ качествѣ судьи, нежели полководца, то ясно каковы должны были быть границы его судной власти? Если князь призывался какъ посредникъ, на судъ котораго всѣ стороны должны были полагаться: то очевидно, что надъ судомъ князя не могло быть никакого другаго верховнаго суда; княземъ могли быть недовольны, если онъ судилъ пристрастно, если онъ, вмѣсто того, чтобы умирить стороны, еще болѣе усиливалъ раздоръ, князя могли изгнать за это при возможности, но не могли подчинить его судъ суду высшему, ибо тогда уничтожилось бы все значеніе князя, исчезла бы его необходимость. Вотъ причина, почему князь въ Новгородѣ является судьей верховнымъ, не признающимъ надъ собою никакого высшаго суда. Князь, призванный въ качествѣ судьи, посредника, исключалъ собственно судную власть вѣча, но граждане не могли понимать идеи исключительнаго представительства, которую мы соединяемъ съ идеею властителя, и потому вѣче не отказалось отъ правъ своихъ рѣшать судьбу города во всѣхъ важныхъ случаяхъ; оно смотрѣло на Князя, какъ на лицо необходимое, какъ на посредника, долженствующаго постоянно присутствовать среди гражданъ, чтить въ немъ это достоинство, никогда не думало подчинять его себѣ, дѣлать изъ него своего чиновника, но между тѣмъ само не подчинялось ему, городъ оставался по прежнему государемъ самовластнымъ, а Князь является подлѣ него также, какъ владѣтель независимый, избранный для посредничества и военачальства. Это странное двоевластіе, сопоставленіе власти Княжеской и власти вѣча другъ подлѣ друга на правахъ равныхъ, выражается повсюду, повсюду подлѣ князя является Великій Новгородъ ⁴¹. Но ясно, что такое сопоставленіе двухъ властей, такая неопредѣленность ихъ отношеній, вызывала постоянное столкновеніе: князь, въ качествѣ верховнаго судьи, смотрѣлъ на

каждое самоуправство вѣча, какъ на мятежъ, похищеніе правъ своихъ; съ другой стороны граждане смотрѣли на князя, какъ на посторонняго посредника, и не понимали, что должны отказаться отъ права любить добрыхъ и казнить злыхъ. Когда князь, оскорбленный своеволіемъ вѣча, изъяслялъ свой гнѣвъ и приказывалъ намѣстнику своему удалиться, то граждане съ удивленіемъ спрашивали: „за что гнѣвается Князь, развѣ мы его оскорбили, вѣдь мы казнили свою братью?“⁴² Такой порядокъ вещей, такая неопредѣленность въ отношеніяхъ между двумя сопоставленными властями, могли существовать только въ началѣ, ибо съ теченіемъ времени постоянныя столкновенія вызывали необходимо борьбу, при чемъ отношенія должны были опредѣляться въ пользу той или другой власти; но что же мы должны заключить, когда, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, находимъ въ Новгородѣ первоначальный порядокъ вещей, первоначальную неопредѣленность? Мы должны заключить, что объ власти были задержаны въ своемъ развитіи: власть вѣча не могла развиваться далѣе извѣстнаго предѣла; призвавъ на помощь власть чуждую, власть княжескую, вѣче тѣмъ самымъ показало, что оно не заключаетъ въ самомъ себѣ необходимыхъ условій для достиженія общественной цѣли; правда, ослабленіе власти княжеской дало вѣчу возможность смѣнять князя, предписывать ему извѣстныя условія; но смѣнивъ одного князя, вѣче немедленно призывало другаго, и тѣмъ самымъ показывало необходимость послѣдняго и собственную недостаточность, слѣд. князь былъ необходимъ не какъ чиновникъ, подчиненный вѣчу, но какъ верховный судья и посредникъ независимый; на это значеніе князя вѣче не могло посягнуть: вотъ предѣлъ, далѣе котораго власть его не могла усиливаться, вотъ почему князь сохранялъ постоянно характеръ судьи верховнаго и независимаго. Но если князь былъ призываемъ какъ лицо, необходимое для наряда, для мира внутренняго, то откуда происходитъ явленіе, что князь не пользуется выгодною своего положенія, необходимою, которую городъ въ немъ чувствовалъ, и вмѣсто того, чтобы предлагать самому условія, принимаетъ ихъ отъ вѣча? Это явленіе происходитъ отъ того, что выгода, бывшая на сторонѣ князя, какъ лица необходимаго, перевѣшивалась на сторонѣ вѣча возможностью выбирать изъ многихъ князей мѣнять ихъ по произволу. Слѣд. вотъ причина ослабленія власти княжеской; вотъ почему князь такъ долго не могъ опредѣлить своихъ отношеній къ вѣчу, въ свою пользу, позволялъ послѣдне-

му существовать подлѣ себя на правахъ равныхъ. Теперь мы должны обратиться къ изслѣдованію причинъ, произведшихъ въ Новгородѣ возможность выбирать изъ многихъ князей, должны рѣшить вопросъ, основывалась ли эта возможность на грамотѣ, данной извѣстнымъ княземъ въ слѣдствіе извѣстнаго случайнаго обстоятельства, послѣ чего Новгородъ отдѣлился отъ остальныхъ городовъ Русскихъ, пошелъ своимъ путемъ, составилъ свой особый міръ; или эта возможность зависѣла отъ явленій общихъ для всей Руси, при чемъ Новгородъ составлялъ всегда нераздѣльную часть послѣдней, жилъ съ ней одною жизнію, отражалъ въ стѣнахъ своихъ всѣ отношенія, попеременно въ ней господствовавшія.

Призванные князья не долго оставались въ Новгородѣ; преемникъ Рюрика уходитъ на Югъ и основывается въ Кіевѣ; послѣдующіе князья стремятся далѣе къ завѣтной цѣли своей — Византіи; области нынѣшней Россіи остаются для нихъ по прежнему только путемъ къ этой цѣли, на города, разсыянные по этѣмъ областямъ, они смотрятъ, какъ на временныя стоянки, по окружнымъ племенамъ Славянскимъ рассылаютъ они дружину кормиться на зиму. Такое непостоянство, такая непрочность пребыванія первыхъ князей была одною изъ главныхъ причинъ, замедлившихъ опредѣленіе отношеній княжеской власти къ городамъ и окружающему народонаселенію. Крещеніе Св. Владиміра отъ Греческой Церкви положило предѣлъ стремленію князей далѣе на Югъ, ограничило сферу ихъ дѣятельности областями нынѣшней Россіи; но этѣмъ не остановилось ихъ движеніе, напротивъ оно стало производиться еще съ большею силою внутри означеннаго круга; перемѣщенія князей изъ одного города въ другой, изъ одной области въ другую не прекратились и не переставали отвлекать ихъ отъ дѣлъ внутреннихъ, отъ точнѣйшаго опредѣленія и утвержденія своихъ отношеній къ народонаселенію подчиненному. Какія же были причины такого движенія?

Осенью 1195 года, говоритъ лѣтописецъ, Мономаховичи: Рюрикъ Кіевскій, Давидъ Смоленскій и Всеволодъ, В. К. Владимірскій, послали въ Черниговъ сказать Ольговичамъ: „Дайте слово не отнимать у насъ и дѣтей нашихъ отчинныхъ нашихъ городовъ: Смоленска и Кіева; ибо, по раздѣлу Ярослава Великаго, вы получили земли по ту сторону Днѣпра, и Кіевъ принадлежать вамъ не можетъ“⁴³. Ольговичи отвѣчали: „Соглашаемся оставить